

Томас ВУДС

КАК КАТОЛИЧЕСКАЯ
ЦЕРКОВЬ
СОЗДАЛА
ЗАПАДНУЮ
ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Томас Вудс

**Как Католическая церковь
создала западную цивилизацию**

Серия «История (Социум)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49592164

*Как Католическая церковь создала западную цивилизацию:
ISBN 978-5-91603-575-9*

Аннотация

В книге американского историка Томаса Вудса развенчивается культивируемая на протяжении трех столетий (начиная с эпохи Просвещения) и вошедшая в учебники антихристианская и антиклерикальная мифология – тенденциозное изображение Церкви реакционной силой, сопротивляющейся развитию науки, культуры и цивилизации в стремлении удержать народы в первобытной темноте и невежестве. Опираясь на результаты, полученные историками на протяжении последних ста лет при изучении истории европейского Средневековья и раннего Нового времени, автор показывает, насколько велика была роль Церкви и христианской религии в создании многих важнейших аспектов современной цивилизации – науки, права, искусства и архитектуры, сельского хозяйства, благотворительности и т. д. Прочитав эту книгу, вы узнаете почему современная наука зародилась именно в лоне Католической церкви; как

католические священники разработали идею экономической теории свободного рынка за 500 лет до Адама Смита; как Католическая церковь изобрела университеты; как западное право развилось из церковного канонического права; как Католическая церковь гуманизировала Запад, настаивая на священности любой человеческой жизни.

Содержание

От издателя	6
Глава 1	9
Глава 2	19
Варварские народы	22
Каролингское возрождение	29
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Томас Вудс
Как Католическая
церковь создала
западную цивилизацию

© 2005 by Thomas E. Woods, Jr.

© АНО «ИРИСЭН», 2010

От издателя

Серию «История» издательского проекта ИРИСЭН продолжает книга «Как Католическая церковь создала западную цивилизацию», принадлежащая перу американского историка Томаса Вудса. Он является автором девяти книг и множества статей, а в круг его интересов, помимо текущей американской, европейской и мировой политики, входят история христианства и, в частности, Католической церкви, история США и Европы, а также развитие экономических идей.

Со времен так называемой эпохи Просвещения в сознании сначала элит, а потом и масс был сформирован целый комплекс стереотипов по поводу роли христианства и Церкви в истории человечества. Церковь изображалась реакционной силой, сопротивляющейся развитию науки, культуры и цивилизации, стремящейся удержать народы в первобытной темноте и невежестве. Лишь «раздавлив гадину», продолжали деятели Просвещения и их интеллектуальные наследники, человечество способно выйти на путь прогресса. Эта антихристианская и антиклерикальная мифология черпала силу в незнании истории Европы, а ее сторонники зачастую не брезговали и сознательным искажением истории. По мере раскручивания пропаганды на протяжении последних примерно трех веков такое тенденциозное описание роли христианства в истории Европы проникло во все учебники и в

массовое сознание. Мы, жители бывшего СССР, в полной мере ощутили на себе действие машины «научного атеизма», главной задачей которой было внедрение всех этих стереотипов в наши умы.

Тем не менее серьезные ученые уже давно не только поставили под сомнение, но и практически полностью опровергли эту одностороннюю картину. Историческая реальность оказалась гораздо сложнее, а роль Церкви в развитии европейской культуры и цивилизации – гораздо более позитивной, чем это представляют стандартные учебники.

Книга, предлагаемая вашему вниманию, по сути дела представляет собой довольно подробный обзор результатов, полученных историками на протяжении последних примерно ста лет при изучении истории европейского Средневековья и раннего Нового времени, а также истории Церкви. Привлекая обширную литературу, Томас Вудс показывает, насколько велика была роль Церкви (причем не только узко понимаемого католицизма, но и неразделенной Церкви) и христианской религии в создании многих важнейших аспектов современной цивилизации – науки, права, искусства и архитектуры, сельского хозяйства, благотворительности и т. д.

Книга снабжена обширной библиографией. Она может послужить хорошим введением в тему и руководством для дальнейшего, более углубленного ее изучения. Даже некоторая полемическая заостренность, естественная в данной ситуации, несколько не мешает этому, так как может побудить

читателя к чтению собственно исследовательских работ.

Кроме всего сказанного, работа Томаса Вудса в наших российских условиях приобретает неожиданно актуальное звучание ввиду идущей дискуссии о взаимоотношениях Русской Православной Церкви с обществом и государством. К сожалению, зачастую все стороны этого спора исходят именно из ложной картины исторического прошлого, сформированной просвещенческой пропагандой, и охотно соглашались играть стереотипные роли «религиозных мракобесов» и «прогрессивных вольнодумцев». Знакомство с более реалистичным описанием исторических реалий, возможно, позволит выйти из этого замкнутого круга и увидеть потенциал для конструктивной, цивилизующей роли Церкви в нашем обществе.

Книга Томаса Вудса «Как Католическая церковь создала западную цивилизацию» рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей Европы и мира, а также историей религии. Мы надеемся, что она поможет заполнить существенный пробел в русскоязычной литературе по этим предметам.

Валентин ЗАВАДНИКОВ

Председатель Редакционного совета

Август 2009 г.

Глава 1

Церковь незаменимая

Профессор университета штата Пенсильвания Филип Дженкинс, всеми уважаемый историк и религиовед, как-то назвал Католическую церковь последней дозволенной мишенью для критики, оставшейся в Америке. С этим трудно не согласиться. Наши СМИ и массовая культура могут позволить себе практически как угодно издеваться над Католической церковью. Мои студенты знают о Церкви только то, что она «разложилась»; об этом им рассказывали учителя в школе. Для них история католицизма это история невежества, репрессий и застоя. В школе им не удалось сообщить, что западная цивилизация получила от Католической церкви такие институты, как высшее образование, благотворительность, науку, основные принципы права, международное право и многое, многое другое. Запад обязан Католической церкви гораздо больше, чем обычно кажется людям – в том числе католикам. Католическая церковь, без преувеличения, создала западную цивилизацию.

Конечно, западную цивилизацию создала не только Католическая церковь; не меньшую роль в формировании Запада сыграла античность, а также многочисленные племена германцев, пришедшие на смену Западной Римской империи.

Церковь не отвергала ни первой, ни второй традиций; напротив, она усвоила и приумножила то лучшее, что в них было. То, до какой степени массовой культуре удастся игнорировать – или практически игнорировать – вклад католицизма в западную цивилизацию, поистине удивительно.

Ни один разумный католик не станет утверждать, что все решения Церкви были абсолютно верными. Католики действительно верят в то, что Церковь сохраняет веру в чистоте до конца времен, но это совершенно не означает, что все действия римских пап и католических епископов в их глазах непогрешимы. Напротив, они понимают, что святость Церкви, института, которым руководит Дух Святой, не отменяет общей греховности человеческой природы, и служители Церкви отнюдь не исключение.

За последнее время исследователи изменили свое отношение к некоторым историческим эпизодам, которые раньше фигурировали в качестве доказательств зловредности Католической церкви. Например, выяснилось, что деяния инквизиции менее ужасны, чем гласят расхожие представления, и что количество ее жертв на самом деле в десятки раз меньше, чем некогда было принято считать. И это не мое личное мнение, а результат работы с источниками уважаемых современных исследователей¹.

¹ См., напр.: Henry Kamen, *The Spanish Inquisition: A Historical Revision* (New Haven: Yale University Press, 1999); Edward M. Peters, *Inquisition* (Berkeley: University of California Press, 1989).

Дело в том, что в нынешней культурной ситуации очень легко забыть, чем наша цивилизация обязана Католической церкви (а еще легче вообще ничего не узнать об этом за всю свою жизнь). Разумеется, большинство людей признает влияние Католической церкви на музыку, изобразительное искусство и архитектуру. Цель же моей книги состоит в том, чтобы продемонстрировать, что ее влияние на западную цивилизацию отнюдь не ограничивается этим. Обычно люди – за исключением специалистов по истории средневековой Европы – искренне верят в то, что эпохе Возрождения предшествовала тысяча лет невежества и подавления свободомыслия, когда в жизни не было места интеллектуальным спорам и дискуссиям, а научное сообщество (если применительно к этим темным векам можно говорить о научном сообществе) было загнано в предельно жесткие рамки. Мои студенты не виноваты в том, что они разделяют эти предрассудки: этому их научили в школе, и примерно те же представления они почерпнули из американской массовой культуры.

В миф о мрачном Средневековье продолжают верить даже некоторые современные ученые. Недавно мне попалась на глаза вышедшая в 2001 году книга Кристофера Найта и Роберта Ломаса «Второй Мессия» (Christopher Knight and Robert Lomas, *Second Messiah*). Трудно представить себе более неверную трактовку роли и места Католической церкви в западной цивилизации, чем в этой книге. Это сходит авторам с рук благодаря существующему в обществе предубеж-

дению против Средневековья в сочетании с полным невежеством относительно этого исторического периода. В частности, они пишут: «Восход католицизма стал началом «темных веков», периода в истории Запада, когда свет знания угас и его сменила тьма суеверия. Этот период продолжался до тех пор, пока власть Римско-католической церкви не была подорвана Реформацией»². Или, к примеру: «Церковь именем Иисуса Христа подвергала все доброе и достойное гонениям, и все бывшие свершения человечества были забыты»³.

Я отдаю себе отчет в том, что примерно этому и учили в школе читателя этих строк, но у современных историков такие утверждения не вызывают ничего, кроме презрительной усмешки. Утверждения авторов «Второго Мессии» противоречат современным научным знаниям, полученным на протяжении последнего века. Найт и Ломас не являются профессиональными историками и с блаженной уверенностью невежд повторяют устаревшие клише, в которые уже не верит ни один профессионал. Вероятно, у специалистов по истории европейского Средневековья неблагоприятная профессия: что бы ты ни делал и какие бы исторические свидетельства ты ни предъявлял обществу, люди все равно будут верить в то, что Средние века были интеллектуальной и культурной пустыней, а Католическая церковь занималась

² Christopher Knight and Robert Lomas, *Second Messiah* (Gloucester, Mass.: Fair Winds Press, 2001), 70.

³ Ibid., 71.

исключительно тем, что душила все живое.

Найт и Ломас не упоминают о том, что именно в «темные века» Католическая церковь создала и развила систему университетов – это дар западной цивилизации всему миру. Историки были поражены, когда выяснили, насколько свободно и беспрепятственно происходили интеллектуальные дискуссии в средневековых университетах. Возвеличение человеческого разума и его возможностей, приверженность принципам строгости и рациональности в обсуждении, поощрение интеллектуальных изысканий и научного обмена – все эти особенности, неизменно встречавшие поддержку Церкви, заложили основу научной революции, которая стала уникальной характеристикой западной цивилизации.

В последние полвека практически все историки науки, в том числе Алистер Кромби (A. C. Crombie), Дэвид Линдберг (David Lindberg), Эдвард Грант (Edward Grant), Стенли Яки (Stanley Jaki), Томас Голдстин (Thomas Goldstein) и Джон Хейлброн (J. L. Heilbron), пришли к выводу, что научной революцией мы обязаны Католической церкви. Роль Церкви не исчерпывалась идейным влиянием, в том числе влиянием богословских идей; она дала человечеству великодушных ученых, из которых многие были священниками. Отцом геологии обычно считается о. Николас Стено (Нильс Стенсен), лютеранин, ставший католическим священником. Отцом египтологии стал о. Атанасиус Кирхер. Первым, кто измерил ускорение свободно падающего тела, был тоже свя-

щенник, о. Джамбаттиста Риччоли. Иезуита Руджера Бошко-
вича часто называют отцом современной квантовой теории.
Иезуиты настолько преуспели в исследовании землетрясе-
ний, что сейсмологию стали называть «иезуитской наукой».

Это далеко не все. Несмотря на то что в честь уче-
ных-иезуитов, в том числе математиков, названо 35 лун-
ных кратеров, о вкладе Католической церкви в астрономию
совершенно неизвестно среднему образованному американ-
цу. Между тем Джон Хейлброн из Калифорнийского уни-
верситета в Беркли справедливо отмечал: «В течение ше-
стисот лет, начиная с момента возрождения астрономиче-
ского знания в эпоху позднего Средневековья и вплоть до
эпохи Просвещения, Римско-католическая церковь оказы-
вала астрономии бóльшую поддержку, в том числе финансо-
вую, чем любой другой институт, а возможно – больше, чем
все остальные институты, вместе взятые»⁴. Однако истинная
роль Католической церкви в развитии современной науки и
сегодня продолжает оставаться в густой тени.

Роль монашества в истории Запада в той или иной сте-
пени признавалась в стандартном изложении истории Запа-
да. Всем известно, что именно монахи после падения Рима
сохранили литературное наследие античности, не говоря уж
о грамотности как таковой. Из этой книги читатель узнает,
что роль монахов не ограничивалась этим. В раннем Сред-

⁴ J. L. Heilbron, *The Sun in the Church: Cathedrals as Solar Observatories*
(Cambridge: Harvard University Press, 1999), 3.

невековые вряд ли можно было найти такое достижение цивилизации, в котором не сыграли бы ключевую роль монахи. Как пишет один современный исследователь, монахи дали «Европе... сеть образцовых производств, пунктов селекции скота и научных центров, духовное горение и искусство организации быта... пафос социальной деятельности, словом... развитую цивилизацию, возникшую из волн варварства и хаоса. Св. Бенедикт [родоначальник западного монашества] стал отцом Европы. Его чада-бенедиктинцы стали отцами европейской цивилизации»⁵.

Возникновение идеи международного права, которое иногда связывают с античными стоиками, обычно все же приписывают мыслителям и правовым теоретикам XVII–XVIII веков. На самом деле впервые эта идея зародилась в испанских университетах в XVI веке; отцом международного права стал католический священник, профессор Франсиско де Витория. Столкнувшись с жестоким обращением испанцев с исконными жителями Нового Света, де Витория и другие католические философы и теологи стали размышлять о правах человека и должных отношениях между странами и народами. Именно эти католические мыслители разработали идею международного права в его нынешнем понимании.

Западное право в целом тоже в очень большой степени является подарком Католической церкви человечеству. Кано-

⁵ Reginald Gregoire, Leo Moulin, and Raymond Oursel, *The Monastic Realm* (New York: Rizzoli, 1985), 277.

ническое церковное право стало первой современной правовой системой Европы. Его появление доказало, что на основании той массы статутов, традиций, местных обычаев, часто противоречащих друг другу, с которой Церковь и государство имели дело в Средние века, в принципе можно создать тщательно разработанный и внутренне согласованный корпус права. Историк права Гарольд Берман писал: «Именно церковь объяснила людям Запада, что такое современная правовая система. Церковь была первой, кто учил, что с помощью анализа и синтеза можно примирить противоречащие друг другу статуты, обычаи и конкретные судебные дела»⁶.

Идея формализованных «прав» – одна из основ западной цивилизации, но ее источником являются не труды Джона Локка или Томаса Джефферсона, как многие полагают, а каноническое право Католической церкви. Под влиянием Католической церкви сложились и другие важные принципы западного права, так как ее служители стремились заменить правовой порядок германцев, основанный на так называемом испытании Божьим судом, рациональной судебной процедурой и развитой системой правовых представлений.

В прошлом историки экономической науки полагали, что современная экономическая теория родилась в XVIII веке, в эпоху Адама Смита и его современников. Однако в на-

⁶ Harold J. Berman, *The Interaction of Law and Religion* (Nashville, Tenn.: Abingdon Press, 1974), 59.

ше время были наконец оценены по справедливости заслуги поздних схоластов, особенно испанских теологов XV–XVI веков. Так, выдающийся современный экономист Йозеф Шумпетер считал испанских католических мыслителей основателями современной экономической науки.

Большинству людей известно, что Католическая церковь всегда занималась благотворительностью, но они зачастую не отдают себе отчета в том, насколько исключительной была вовлеченность Церкви в эту деятельность. В античности можно найти примеры щедрости по отношению к бедным, но это щедрость в расчете на славу и признание, а объектом ее являются не столько нуждающиеся, сколько все подряд. В древности к бедным обычно относились с презрением, и сама мысль о том, чтобы помочь обездоленному просто так, без расчета на взаимность или какую-либо личную выгоду, иногда казалась странной. Даже чрезвычайно критически относившийся к Католической церкви историк XIX века Уильям Лекки признавал, что забота Церкви о бедных – и сама эта идея, и размах деятельности – была для Запада совершенно новым явлением и представляла собой радикальное улучшение по сравнению с эпохой классической античности.

Во всех этих областях Католическая церковь оставила глубокий и неизгладимый след в самом сердце европейской цивилизации и была мощной силой, выступавшей на стороне добра. Недавно вышедшая история Католической церкви носит название «Триумф», и это слово очень точно описыва-

ет историю организации, в чьем активе столько доблестных приверженцев и великих исторических свершений. Однако в учебниках по истории западной цивилизации, с которыми сталкивается каждый школьник или студент, об этих достижениях пишут очень мало. Это одна из главных причин, почему я написал эту книгу. Люди плохо осознают, до какой степени велико было влияние Католической церкви и на нашу цивилизацию, и в какой степени ее деятельность определила то, каковы мы сегодня. Без участия Католической церкви западной цивилизации в ее нынешнем виде просто не существовало бы, хотя об этом обычно не пишут в учебниках. Католическая церковь не только уничтожила некоторые отвратительные обычаи древнего мира – например детоубийство и гладиаторские бои; после падения Рима именно Католическая церковь возродила цивилизацию и обеспечила ее развитие. Она начала с воспитания варваров. И мы тоже начнем с варваров.

Глава 2

Свет во тьме

Раньше термином «темные века» обозначалось все тысячелетие, отделявшее позднюю античность от Возрождения. В наши дни достижения Высокого Средневековья общепризнанны. Как отмечает Дэвид Ноулз, верхняя граница «темных веков» все больше уходит в прошлое и сейчас «темными» не считаются уже и VIII–X века.

В то же время вряд ли можно сомневаться, что VIVII века с точки зрения развития образования, литературы и т. п. были временем культурного и интеллектуального регресса. Виновата ли в этом Церковь? Историк Уилл Дюрант, агностик по убеждениям, много лет назад, защищая ее от этих обвинений, высказал мнение, что причина упадка не в Церкви, которая делала все возможное, чтобы его предотвратить, а в варварских вторжениях эпохи поздней античности. Дюрант писал: «Главной причиной культурного регресса было не христианство, а варварство, не религия, а война. Нашествия разрушили и довели до бедственного состояния города, монастыри, библиотеки, школы; в результате вести образ жизни ученого или философа стало невозможно. Не исключено, что разрушения были бы еще больше, если бы Церковь не пыталась поддерживать подобие порядка в условиях кру-

шения цивилизации»⁷.

В конце II века разношерстные германские племена, в ходе так называемого Великого переселения народов (*Völkerwanderungen*) двигавшиеся из Центральной Европы на запад, вышли на рубежи Рейна и Дуная. Со временем, когда римские полководцы бросили охранять границы и стали вместо этого возводить на трон и свергать императоров, германцы начали просачиваться через образовавшиеся бреши в римской обороне. Их вторжения ускорили гибель Римской империи и бросили Церкви беспрецедентный вызов.

Воздействие вторжений варварских племен в Римскую империю было различным в зависимости от конкретного племени. Вандалы, смерчем пронесшиеся по Северной Африке и разграбившие Рим в середине V века, представляли собой прямую и непосредственную угрозу. Другие племена не обязательно были настроены враждебно по отношению к Римской империи; некоторые относились к римской культуре с уважением. Даже король готов [вестготов] Аларих, захвативший и разграбивший Рим в 410 году, после взятия Афин выразил желание познакомиться с местными достопримечательностям, посетить театр и послушать диалог Платона «Тимей»⁸. Готы получили разрешение на переселение в Римскую империю в 376 году, когда они спасались от гунн-

⁷ Will Durant, *Caesar and Christ* (New York: MJF Books, 1950), 79.

⁸ Henri Daniel-Rops, *The Church in the Dark Ages*, trans. Audrey Butler (London: J. M. Dent & Sons, 1959), 59.

ского нашествия. В 378 году они восстали против римлян, желая отомстить им за дурное обращение со стороны местных чиновников. Спустя столетие Римом управляли готы.

После того, как сложившийся политический порядок был серьезно подорван и распад Западной Римской империи на множество варварских королевств стал свершившимся фактом, епископы, священники и другие западные христиане начали воссоздавать фундамент цивилизации на этой немислимой почве. Карл Великий, который считается отцом Европы, отчасти еще был подвержен варварскому влиянию, но он настолько глубоко верил в истину, красоту и превосходство католической религии, что сделал все возможное для создания на базе католицизма новой, постимперской Европы.

Варварские народы

Варварские народы были либо аграрными, либо кочевыми. У них не было письменной литературы; уровень политической организации был очень низок и сводился к преданности вождю. По одной из версий, они получили название «варвары» потому, что для слуха римлян все их наречия звучали как нечленораздельное «вар-вар-вар».

Одним из величайших достижений Римской империи было создание развитой правовой системы, очень сильно повлиявшей на всю Европу. С точки зрения же варваров, право было нужно не столько для установления справедливости, сколько для прекращения конфликтов и поддержания элементарного порядка. Так, человек, обвиняемый в преступлении, мог подвергнуться так называемому Божьему суду (ордалии). Одним из вариантов было испытание кипящей водой. Обвиняемый должен был вынуть камень из кипящего котла, после чего его обожженные руки перевязывали. Спустя три дня повязки снимались. Если раны начинали рубцеваться, это значило, что обвиняемый невиновен, и наоборот. Испытание холодной водой состояло в том, что обвиняемому связывали руки и ноги и бросали его в реку. Если он не тонул, его вина считалась доказанной – ведь это значило, что божественная сила, которая, как всем известно, содержится в воде, его отторгает.

Варварские племена были воинственными; их обычаи и нравы казались римлянам дикими. Кристофер Доусон писал: «Церковь должна была принести евангельский закон и этику Нагорной проповеди народам, для которых благороднейшим из занятий было человекоубийство, а месть и справедливость были синонимами».

Когда вестготы в 410 году разграбили Рим, потрясенный св. Иероним с глубокой скорбью писал: «Ужасная весть приходит с запада. Рим в осаде, жизнь граждан выкупается за золото. Потом ограбленных снова окружают, чтобы отнять у них жизнь. Голос застревает в гортани, рыдания прерывают слова. Взят город, который завладел целым миром»⁹. «Зрите, сколь внезапно смерть опустилась на целый мир, – писал Ориентий о вторжении в Галлию в начале V века, – зрите, сколь многих поразили жестокости войны. От варварских набегов не давали спасения ни дремучие леса, ни высокие горы, ни реки, бурно несущие воды свои сквозь ущелья, ни крепости на далеких высотах, ни города, огражденные мощными стенами, ни морские пределы, ни печальное одиночество пустыни, ни норы в земле, ни пещеры под грозными утесами»¹⁰.

Франки, поселившиеся в Галлии, на территории современной Франции, были самым значительным из этих варвар-

⁹ J. N. Hillgarth, ed., *Christianity and Paganism, 350–750: The Conversion of Western Europe* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986), 69.

¹⁰ Ibid., 70.

ских племен. В отличие от многих других варваров, франки не обратились в арианство (ересь, отрицавшую божественную природу Христа); поэтому Церковь возлагала свои надежды на них. Вся история миссионерской деятельности доказывает, что Церкви было гораздо проще обращать язычников или анимистов, чем возвращать в свое лоно тех, кто уже принял арианство или ислам. Когда в 481 году королем франков стал Хлодвиг, епископат смог использовать представившийся шанс. Св. Ремигий (епископ Реймский) в своем поздравлении открыто написал новому королю о том, какие преимущества даст ему сотрудничество с Церковью: «Оказывайте епископам всяческое уважение. Всегда обращайтесь к ним за советом. И, если вы будете в согласии с ними, земля ваша будет процветать».

Некоторые историки считают, что женитьба Хлодвиг на красивой и глубоко религиозной Клотильде была устроена епископами, надеявшимися, что эта ревностная католичка обратит в свою веру венценосного супруга. Хотя политические соображения, бесспорно, сыграли роль в обращении Хлодвиг, на него также, по-видимому, произвели очень сильное впечатление рассказы о жизни Христа. Когда он услышал, что Христа распяли, он якобы воскликнул: «О, если бы там был я с моими верными франками!» В конце концов Хлодвиг удалось обратить (точная дата неизвестна; традиционно считается, что это произошло в 496 году; в 1996 году французы праздновали 1500-летнюю годовщину кре-

щения Хлодвига). Все варварские племена Европы будут обращены только через четыреста лет, но крещение Хлодвига стало многообещающим началом.

Св. Авит, влиятельный галльский епископ, высоко оценил значение этого события. Он сказал королю франков такие слова: «Благодаря вам просияла эта часть света, благодаря вам и новая звезда зажглась на Западе! Выбрав за себя, вы выбрали за всех. Ваша вера – это наша победа!»

Поскольку варварские народы в огромной степени идентифицировали себя со своими вождями, обычно было достаточно обратиться к королю, чтобы народ последовал его примеру. Этот процесс не всегда был легким и гладким; спустя сотни лет после крещения Хлодвига католические священники из числа франков могли не только служить мессу, но и по-прежнему совершать жертвоприношения старым богам, олицетворявшим природу.

По этой причине варваров недостаточно было просто обратиться; Церковь должна была неустанно руководить ими, чтобы убедиться в искренности их обращения и в том, что вера действительно начала менять их образ жизни и образ правления. Отмечалось, что в «Истории франков», написанной св. Григорием Турским в VI веке, говорится в основном о миссионерской деятельности Церкви, в то время как в написанной в VIII веке «Церковной истории народа англосаксов» Беда Достопочтенного – о ее продолжающейся пастырской работе. Великий миссионер св. Бонифаций занимался и тем

и другим: в дополнение к миссионерской деятельности в Германии он инициировал в 40-х годах VIII века давно назревшую реформу франкской церкви.

Династия Меровингов, к которой принадлежал Хлодвиг, в VI–VII веках стала постепенно утрачивать влияние. Они были дурными правителями и тратили много времени на свары и междоусобицы; среди них было принято, например, сжигать живьем непокорных родственников. В ходе многочисленных внутрисемейных конфликтов Меровинги часто уступали франкским аристократам власть и землю в обмен на поддержку. Это сильно ослабило их. В VII веке деградация Меровингов продолжалась; историк Норман Кантор описывает меровингских правителей того времени как череду женщин, детей и сумасшедших.

К сожалению, упадок Меровингов сказался и на Церкви. Последняя совершила ужасную ошибку, слишком тесно соединив свою судьбу с судьбой правящей династии; поэтому, когда династия стала ослабевать, это неизбежно повлияло и на Церковь. Один из исследователей этого периода объясняет: «В благодарность за высокое положение, которое гарантировали ей Меровинги, Церковь почти полностью предалась им»¹¹. В VII веке состояние священства во франкских землях становилось все более плачевным, так как священники все более погрязали в разврате и бесстыдстве.

¹¹ Gustav Schnurer, *Church and Culture in the Middle Ages*, vol. 1, trans. George J. Undreiner (Paterson, Nj: Saint Anthony Guild Press, 1956), 285.

Не лучше была и ситуация среди епископата; епископы боролись друг с другом за кафедры, которые рассматривались исключительно как источники светской власти и богатства. В конце концов реформу франкской церкви осуществили ирландские и англосаксонские миссионеры, выходцы из стран, куда католическая вера пришла в свое время из континентальной Европы. Когда земле франков потребовалась прививка веры, порядка и цивилизованности, она получила все это от католических миссионеров.

Тем не менее в VIII веке папство обратилось именно к франкам в поисках защиты и поддержки в деле возрождения христианской цивилизации. Между последними римскими императорами и папством существовали особые отношения. После краха Западной Римской империи такие отношения сохранились у папства с единственным сохранившимся осколком Римской империи – Византией (Константинополь смог устоять перед варварами). Однако со временем они становились все более напряженными. В VII веке Восточная Римская империя боролась за выживание, ведя войны с арабами и персами, и вряд ли могла рассматриваться св. Престолом в качестве надежной защиты. Кроме того, императоры приобрели дурную привычку вмешиваться в дела Церкви, в том числе в те, которые явно лежали вне компетенции государства.

Некоторым деятелям Церкви казалось, что пора обратить взоры в другую сторону, отказаться от традиционной опоры

на императора и найти другую политическую силу, с которой можно было бы заключить плодотворный политический союз.

Каролингское возрождение

Так Западная Церковь приняла важнейшее решение. Она решила переориентироваться с византийских императоров на полуварваров – франков, которые обратились в католическую веру непосредственно и никогда не были арианами. В VIII веке Церковь благословила официальный переход власти от Меровингов к Каролингам – к семье Карла Мартелла, знаменитого победителя мусульман при Туре в 732 году, и в конечном счете – к Карлу Великому (или Шарлеманю), со временем ставшему признанным отцом Европы.

Каролинги возвысились в результате упадка Меровингов. Они занимали ставшую наследственной должность майордома, примерно соответствующую нынешней должности премьер-министра. Майордомы-Каролинги были гораздо более искусными и хитрыми правителями, чем меровингские короли, и постепенно они все больше и больше овладевали браздами правления в королевстве франков. В середине VIII века Каролинги, чья власть фактически была королевской, пожелали получить королевский титул. Пипин Короткий, бывший майордомом в 751 году, в письме папе Захарию I спросил, правильно ли, когда человек, не имеющий власти, называется королем, а человек, имеющий власть, этого титула лишен. Папа, который хорошо понимал, на что намекает Пипин, ответил, что это ненормально и что имена

должны соответствовать сущностям. Тем самым папа, высший духовный авторитет, благословил смену правящих династий в королевстве франков, и последний король из династии Меровингов удалился в монастырь.

Таким образом Католическая церковь способствовала мирной передаче власти Каролингам от ослабевших Меровингов и вместе с Каролингами взялась за восстановление ценностей цивилизованной жизни. Под влиянием Церкви варварское племя франков превратилось в строителей цивилизации. Воплощением этого идеала стал Карл Великий (768–814), вероятно, величайший из франков. (После завоеваний Карла Великого королевство франков, простиравшееся на восток от так называемой Испанской марки, занимало значительную часть современных северной Испании, северной Италии, Швейцарии, Франции и Германии.) Карл Великий не умел писать, хотя апокрифическое народное предание и говорит о том, что в последний год жизни он вносил исправления в перевод Священного Писания. Несмотря на это, он поощрял образование и искусства, в частности он призывал епископов создавать школы при кафедральных соборах. Историк Джозеф Линч пишет: «Работа авторов и переписчиков книг, художников, строителей, а также сама мыслительная деятельность людей, воспитанных в церковных и монастырских школах, позитивно влияли на интеллектуальную жизнь – как в количественном, так и в качественном от-

ношении»¹².

Результатом такого активного поощрения образованности, искусств и ремесел стала эпоха культурного расцвета, известная под названием Каролингского возрождения. Это обозначение относят к царствованию Карла Великого и его сына Людовика Благочестивого (814–840). Вероятно, центральной фигурой и крупнейшим мыслителем Каролингского возрождения был великий святой и великий церковный историк Алкуин, англосакс, учившийся в Йорке у ученика Беды Достопочтенного. Алкуин был главой архиепископской школы в Йорке, а позже – аббатом монастыря Св. Мартина в Туре. В 781 году, во время поездки в Италию, Алкуин случайно встретился на дороге с Карлом Великим, который предложил ему возглавить придворную школу в Аахене. Алкуин обладал не только многочисленными познаниями в разных сферах, но и замечательным даром педагога; он владел методиками обучения латыни, которые разработали его ирландские и англосаксонские предшественники. Обучение германцев грамматически правильному латинскому языку – трудная наука, мало кому доступная в бурные VI–VII века, – была важнейшим элементом Каролингского возрождения. Знание латыни открывало двери и в мир писавших на этом языке отцов церкви, и в мир классической древности. Не случайно наиболее старые копии римских текстов

¹² Joseph H. Lynch, *The Medieval Church: A Brief History* (London: Longman, 1992), 89.

относятся, как правило, к IX веку – эпохе, когда их вернули из забвения каролингские книжники. Кеннет Кларк писал: «Люди обычно даже не подозревают о том, что до нас дошло всего три или четыре подлинных латинских рукописи и что всем, что мы знаем об античной литературе, мы обязаны той работе по сбору и копированию латинских текстов, которая началась при Карле Великом, причем до нас дошли практически все классические тексты из тех, которые сохранились к VIII веку»¹³.

Каролингская реформа образования была основана на возрождении древнеримской модели семи свободных искусств: квадривиума астрономии, музыки, арифметики и геометрии и тривиума логики, грамматики и риторики. С учетом особой актуальности в эту эпоху гуманитарного знания, квадривиум в начале Каролингского возрождения не играл большой роли. Однако каролингская модель стала основой для последующего интеллектуального развития.

Другим достижением Каролингского возрождения стало создание нового типа книжного письма, так называемого каролингского минускула. Предшествовавший период изоляции породил в Западной Европе такое количество типов письма, что это стало создавать проблемы в коммуникации, так как люди испытывали трудности в расшифровке того,

¹³ Ibid., 95; Kenneth Clark, *Civilisation: A Personal View* (New York: HarperPerennial, 1969), 18.

что написали другие¹⁴. Те виды рукописного письма, которые существовали до появления каролингского минускула, было сложно разбирать и тяжело использовать при письме; они не предусматривали строчных букв, знаков пунктуации и пробелов между словами.

В создании и распространении каролингского минускула ключевую роль сыграл Фредегиз, преемник Алкуина на должности аббата монастыря Св. Мартина. В итоге Западная Европа получила относительно простой и удобный тип письма. Благодаря введению строчных букв, пробелов между словами и других упрощающих чтение приемов люди стали читать и писать гораздо быстрее. Говоря о каролингском минускуле, два современных исследователя отмечают его «непревзойденное изящество и четкость, два качества, которые внесли неоценимый вклад в сохранение античной литературы, так как благодаря им античные тексты можно было читать легко и с удовольствием»¹⁵. Филип Вольфф писал: «Не будет преувеличением назвать создание каролингского минускула, наряду с изобретением книгопечатания, одним из двух важнейших шагов в развитии цивилизации письменного слова»¹⁶. Этот вид письма, созданный католическими

¹⁴ Lynch, 95.

¹⁵ L. D. Reynolds and N. G. Wilson, *Scribes and Scholars: A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature*, 3rd ed. (Oxford: Clarendon Press, 1991), 95.

¹⁶ Philippe Wolff, *The Awakening of Europe* (New York: Penguin Books, 1968), 57.

монахами, стал ключевым фактором в деле распространения грамотности на Западе.

Историки музыки часто упоминают о «тяге к подражанию», которую испытывают композиторы, которые, к своему несчастью, вынуждены творить после гениев и необычайных талантов. Похожий феномен наблюдался в эпоху краткого культурного взрыва, именуемого Каролингским возрождением. Так, образцом для Эйнхарда, биографа Карла Великого, явно служила «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, из которой он заимствует целые пассажи. И это понятно: как мог он, неотесанный варвар, тягаться с изяществом и изысканностью роскошной и высокоразвитой культуры Рима?

Но несмотря на очевидное культурное отставание от классической древности, католики эпохи Карла Великого верили, что они строят основы цивилизации, которой суждено превзойти Грецию и Рим. Ибо, как подчеркивал великий Алкуин, у людей VIII и IX веков было то, чего не было у древних: католическая вера.

Современники Алкуина подражали классическим Афинам, но при этом были уверены, что их Афины будут лучше; ведь они обладали драгоценной жемчужиной, которой древние греки, при всем их величии, не владели. Алкуин так горячо верил в это, что писал Карлу Великому о блистающих высотах новой цивилизации в следующих выражениях: «Если у вас будет много сподвижников в вашем деле, во Франции воздвигнутся новые Афины, нет! лучшие Афины, ведь

наши Афины, облагороженные учением Христа, превзойдут всю мудрость Академии. Старые Афины давали в распоряжение учителя лишь дисциплины, созданные Платоном, но, вдохновленные семью свободными искусстваами, они до сих пор сияют славой; наши же Афины семикратно заблистают полнотой Святого Духа и затмят собой любые светочи мирской мудрости»¹⁷.

Дух Каролингского возрождения не угас и в IX–X веках, несмотря на вторжения викингов, венгров и мусульман. Даже в самые трудные дни дух учености продолжал жить в монастырях, и это позволяло быстро возрождать ее в более мирные времена. Не менее важное значение для интеллектуального развития западной цивилизации имели труды великого Алкуина. Как пишет Дэвид Ноулз, Алкуин, «требовавший, чтобы всюду пользовались самыми лучшими учебниками, и лично основавший многие образцовые скриптории», придал «новый импульс работе писцов-копиистов; копированием рукописей неустанно занимались в многочисленных монастырях, гораздо в больших масштабах и куда более методично, чем раньше; могущественным инструментом для этой работы стал так называемый каролингский минускул, который многим обязан книжному письму Ирландии и Нортумбрии. С Алкуина началась великая эпоха копирования латинских рукописей, и патристических, и римских; когда спустя два века начался следующий, более устойчивый пери-

¹⁷ Ibid., 77.

од культурного роста, накопленные за это время книги, написанные четким шрифтом (и с меньшим числом ошибок), сыграли огромную роль»¹⁸.

После смерти Карла Великого инициатива в области распространения образования переходит к Церкви. К открытию школ призывают местные церковные соборы, такие как синод в Баварии (798) и соборы в Шалоне (813) и Эксе (816)¹⁹. Друг Алкуина Теодульф, епископ Орлеанский, а позже – аббат Флерийский, тоже призывал к распространению образования: «Священники должны открывать школы в городах и деревнях. Ежели кто из прихожан обращается к священнику с просьбой обучить грамоте сынов его, тому не пристало отказываться от благородного дела... Священники, взявшиеся за это дело, не должны просить за него платы и могут принимать от родителей учеников лишь малые дары»²⁰.

В роли учителя Европы Церковь оставалась единственной организацией, пережившей многочисленные варварские нашествия. Вторжения варваров в IV и V веках подорвали самые основы цивилизации: городскую жизнь, культуру, науку. В IX–X веках Западная Европа вновь стала жертвой набегов: на этот раз ее опустошили викинги, венгерские племена и мусульмане. (Для того, чтобы представить себе эти

¹⁸ David Knowles, *The Evolution of Medieval Thought*, 2nd ed. (London: Longman, 1988), 69.

¹⁹ Wolff, 48–49.

²⁰ Knowles, 66.

вторжения, достаточно упомянуть о том, что одним из самых известных вождей викингов был некто Торфинн, известный под именем Раскалывателя Черепов.) Благодаря решительности и мужеству католических епископов, монахов, священников, ученых и гражданских администраторов Европа не погрузилась в хаос во второй раз²¹. Брошенные Алкуином семена знания дали побеги, и Церковь в очередной раз стала фактором возрождения цивилизации. Один исследователь писал так: «Существовала лишь одна традиция, на которую можно было опираться, – та, которая сложилась в школах, созданных при Алкуине»²².

Историк Кристофер Доусон пишет о том, что после распада империи Каролингов монахи приступили к воссозданию системы образования: «Последними островками интеллектуальной жизни среди волн варварских нашествий, которые вновь поставили под угрозу само существование западного христианства, были великие монастыри, особенно монастыри Южной Германии, Санкт-Галлен, Рейхенау и Тегернзее. Хотя на первый взгляд монашество кажется институтом, плохо приспособленным для противостояния войне, хаосу и беззаконию, на самом деле оно обладает поразительной способностью к выживанию и возрождению»²³.

²¹ Wolff, 153ff.

²² Andrew Fleming West, *Alcuin and the Rise of the Christian Schools* (New York: Charles Scribner's Sons, 1892), 179.

²³ Christopher Dawson, *Religion and the Rise of Western Culture* (New York: Image

Эта способность выражалась в том, что монастыри удивительно быстро залечивали раны, нанесенные им вторжениями и крахом политической системы. «Варвары могли сжечь девяносто девять монастырей из ста, убить или изгнать монахов, но достаточно было одного выжившего монаха, чтобы восстановить традицию. Руины монастыря возрождали к жизни новые насельники, продолжая прерванную традицию, следуя тому же самому монастырскому правилу, служа ту же самую литургию, читая те же самые книги и думая так же, как их предшественники. Так в эпоху св. Дунстана монахи и монастырская культура вернулись из Флери и Гента в Англию и Нормандию спустя сто лет после того, как они были там уничтожены, а спустя еще сто лет нормандские и английские монастыри вновь стали яркими звездами на небосклоне Запада»²⁴.

Сохранение классического наследия западной цивилизации и достижений Каролингского возрождения было непростым делом. Варварские орды разграбили множество монастырей и уничтожили многие книжные собрания, ценность которых для интеллектуального сообщества того времени нам, привыкшим к дешевым и доступным книгам, сегодня трудно оценить. Как справедливо отмечает Доусон, именно монахам удалось сберечь свет знания.

В начале периода восстановления одним из самых яр-

Books, 1991 [1950]), 66.

²⁴ Ibid.

ких светочей учености был Герберт Орильякский, который впоследствии стал папой Сильвестром II (999—1003). Герберт был, безусловно, самым образованным европейцем своего времени. Он славился своими познаниями в астрономии, латыни, музыке, философии и теологии. Его страсть к древним рукописям заставляет вспомнить о XV веке, когда Католическая церковь предлагала денежное вознаграждение тем ученым-гуманистам, которые смогут разыскать классические манускрипты.

Мы не очень много знаем о жизни Герберта, хотя кое о чем можно судить по его письмам, а также по не очень достоверной биографии, составленной одним из его лучших учеников, Рихером из монастыря Св. Ремигия. Определенно известно, что в 70-е годы X века Герберт возглавлял кафедральную школу в Реймсе, где когда-то изучал логику, и имел возможность целиком посвятить себя преподаванию и науке.

Он говорил: «Праведный человек живет верой, но хорошо, когда его вере сопутствует знание»²⁵. Герберт придавал огромное значение развитию в людях данной им Господом способности к рациональному мышлению. Он писал: «Господь одарил людей, дав им не только веру, но и знание. Те, у кого его [знания] нет, зовутся глупцами»²⁶.

В 997 году император Священной Римской империи Оттон III смиренно попросил Герберта о помощи. Он обратил-

²⁵ Daniel-Rops, 538.

²⁶ Wolff, 183.

ся к будущему папе, потому что его обурежала жажда знаний. «Я невежда, – писал он Герберту. – Моим образованием никто не занимался. Я прошу вас помочь мне. Исправьте мои ошибки и научите меня правильно править Империей. Помогите мне преодолеть мою саксонскую неотесанность и пробудите во мне то, что я унаследовал от моих греческих предков. Разъясните мне, пожалуйста, тот учебник арифметики, что вы мне прислали». Герберт с радостью откликнулся на просьбу короля. В ответном письме он заверил Оттона: «Как грек по рождению и римлянин по империи, вы можете по праву рождения претендовать на сокровища греко-римской учености. Тут, без сомнения, есть нечто божественное»²⁷.

Страсть Герберта к знаниям и то влияние, которое он оказал на педагогов и философов следующего поколения, свидетельствовали о том, что Европа приходит в себя после столет нашествий. Это возрождение было бы невозможным без путеводного света Церкви. Главным плодом трудов и устремлений Церкви стала система университетов. Эта тема заслуживает отдельной главы, но сначала мы поговорим о тех семенах знания, которые заронили монастыри в европейскую почву.

²⁷ Ibid., 177–178.

Глава 3

Как монахи спасли цивилизацию

Монахи сыграли ключевую роль в развитии западной цивилизации. Однако в самом начале существования католического монашества вряд ли можно было предсказать, какое огромное влияние оно окажет на внешний мир. Но этот исторический факт будет не столь неожиданным, если мы вспомним слова Христа: «Ищите прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся вам». В них, в некотором смысле, заключена вся история монашества.

Ранние формы монашеской жизни сложились к III веку. В то время некоторые женщины-христианки, дав обет целомудрия, посвящали жизнь молитвам и служению бедным и немощным²⁸. Так появились монахини.

Другими ранними образцами христианской монашеской жизни были св. Павел Фивейский и более известный преподобный Антоний Великий (или Египетский), жившие в период с середины III до середины IV века. Сестра преподобного Антония жила в общине христианских девственников. Он же, ища духовного совершенствования, удалился в пустыню египетскую и стал отшельником, хотя его подвиги стяжали

²⁸ Philip Hughes, *A History of the Church*, vol. 1, rev. ed. (London: Sheed and Ward, 1948), 138–139.

ему многочисленную паству.

Характерной чертой отшельников было то, что они удалялись в уединение, желая отречься от всего мирского и сосредоточиться на своей духовной жизни. Обычно отшельники жили в одиночестве или группами по два-три человека. Они находили приют в пещерах и убогих хижинах, а пропитание добывали обработкой небольших участков земли или ремеслом, например плетением корзин. Отсутствие духовного начальства приводило некоторых из них к странным духовным и аскетическим практикам. Монсеньор Филипп Хьюз, один из самых авторитетных историков Католической церкви, писал: «Некоторые отшельники практически ничего не ели, другие почти никогда не спали, третьи неделями стояли без движения или замуровывали себя в склепах и оставались там годами, питаясь убогими крохами, которые им подавали через трещины в стене»²⁹.

Кеновии, или общежительные монастыри, к которым мы привыкли, возникли отчасти в качестве реакции на практику отшельничества и в результате признания того, что люди должны жить общиной. В этом состояла позиция Василия Великого, сыгравшего важную роль в развитии восточного монашества. Но традиция отшельничества не прерывалась, и спустя тысячу лет после св. Павла Фивейского один отшельник был избран папой и принял имя Целестина V.

Традиция восточного монашества заметно повлияла на

²⁹ Ibid., 140.

Запад, причем это влияние происходило разными путями. Проводниками его были, в частности, путешествия Афанасия Великого и труды Иоанна Кассиана Римлянина, западного человека, хорошо знавшего восточную традицию. Однако больше всего западное монашество обязано одному из «своих» – св. Бенедикту Нурсийскому. Св. Бенедикт создал 12 небольших монашеских общин в 60 километрах от Рима, в Субиако, прежде чем направился на юг, и в 80 километрах от Субиако основал великий монастырь Монте-Кассино, который его и прославил. Именно там около 529 года он составил знаменитый Устав св. Бенедикта, который в последующие века распространился по всей Западной Европе.

Популярность Устава св. Бенедикта была связана не только с тем, что он упорядочивал и структурировал монастырскую жизнь, но и с тем, что в нем содержались относительно умеренные требования. В отличие от ирландских монастырей, известных крайней строгостью устава (хотя, несмотря на это, в них стремилось вступить довольно много послушников и послушниц), в бенедиктинских монастырях исходили из того, что монах должен нормально питаться и нормально спать (во время поста к насельникам предъявлялись более суровые требования). Уровень жизни монаха-бенедиктинца обычно был примерно таким же, как у современного ему итальянского крестьянина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.